

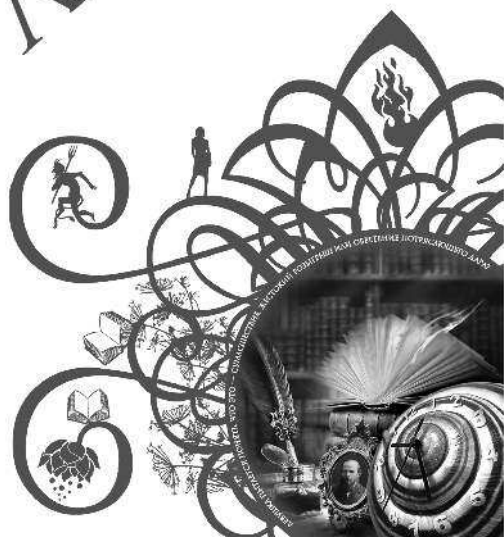
ЧИТАЙТЕ РОМАНЫ АНТОНА ЛЕОНТЬЕВА
В СЕРИИ «АВАНТЮРНАЯ МЕЛОДРАМА»

Крапленая карта мира	Лига охотников за вампирами
Девять с половиной идей	Тайный приют олигарха
Шпионка, пришедшая с севера	Имя мне легион
Хозяйка Изумрудного города	Часовня погубленных душ
Трудно быть солнцем	Хранители судьбы
Вечность продается со скидкой	Призраки страсти
Золотая клетка для синей птицы	Ночь всех святых
Кровь Троянского коня	Знак свыше
Закат созвездия Близнецов	Жрец смерти
Восьмой смертный грех	Псевдоним Венеры
Дворец, где разбиваются сердца	Путешествие в сны
Ключ к волшебной горе	Русалки белого озера
Профессия – первая леди	Вечной жизни не хватит
Демоны зимних ночей	Обратная сторона смерти
Шоу в жанре триллера	Глаза цвета тьмы
Звездный час по тарифу	Венец творения
Ночь с Каменным Гостем	Связанные одной тайной
Вилла розовых ангелов	Зеркальный лабиринт мести
Святой нимб и терновый венец	Потрошитель душ
Воздушный замок Нострадамуса	Тринадцатая Ева
Лес разбуженных снов	Танцующая с дьяволом
Побег с Лазурного берега	Отель сокровенных желаний
Еще один знак Зодиака	Крылатый сфинкс, печальный цербер
Миф страны эдельвейсов	Небо слишком высоко
Последний бог	Ремейк кошмара
Код одиночества	Алхимия иллюзий
Под маской хеппи-энда	Билет в Зазеркалье
Вендетта. День первый	Мертвые канарейки не поют
Огненный холод	Гордость и преступление
Вечер в городе соблазнов	Пепел книжных страниц
Интервью с магом	Мольберт в саду Джоконды
Корона последней принцессы	

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

ПЕПЕЛ КНИЖНЫХ
СТРАНИЦ

Москва
2020

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

 read_action

Оформление серии *С. Груздева*

Редактор серии *А. Антонова*

Леонтьев, Антон Валерьевич.

Л47 Пепел книжных страниц / Антон Леонтьев. —
Москва : Эксмо, 2020. — 384 с. — (Авантюрная
мелодрама).

ISBN 978-5-04-110820-5

Получив «неуд» на экзамене по специальности, аспирантка Нина Арбенина не подозревала, что эта оценка коренным образом изменит ее жизнь. Зайдя в магазинчик «Книжный ковчег» поделиться своими бедами со знакомым продавцом, Нина, пройдя через странную дверь, неожиданно для себя оказалась в литературной вселенной — внутри романа «Братья Карамазовы»! Теперь, чтобы вернуться в привычную жизнь, Нине придется найти настоящего убийцу старика Карамазова. Романная реальность живет по своим законам, но ни один из братьев не виновен в зверском убийстве отца... Параллельно девушка пытается понять, что это — сумасшествие, жестокий розыгрыш или обретение потрясающего дара?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Леонтьев А.В., 2020

© Оформление.

ISBN 978-5-04-110820-5

ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Однажды написанные, книги
более не нуждаются в своем авторе.

*Италяязычный автор, чьи романы издаются
под псевдонимом **Элена Ферранте**,
в официальном заявлении на попытку
раскрыть ее/его подлинную личность.*

— Та-а-ак... — Профессорский тон не предвещал ничего хорошего, однако Нина уже была внутренне готова к предстоящей конфронтации. — Та-а-ак...

Вскинув голову и трянув длинными каштановыми волосами, собранными на затылке в «конский хвост», девушка прямо в лицо, с легким вызовом, посмотрела на восседавшую перед ней экзаменационную комиссию.

Состояла комиссия в тот самый длинный день года из четырех человек, однако тон в ней задавал, бесспорно, именно он — Борис Егорович Штык, академик, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой и бывший декан.

Вообще-то комиссия, которая принимала у нее кандидатский минимум по литературоведению, должна была состоять из *пяти* членов, однако ее научного руководителя, главного недруга профессора Штыка, в начале недели доставили в областную больницу с гипертоническим кризом. Конечно, имелась возможность дождаться его выписки, которая, впрочем, грозила затянуться, что с учетом скорых летних каникул привело бы к неминуемому сдвигу сдачи кандидатского минимума на осень.

Поэтому Нина, навестив научного руководителя в больницу, заверила, что согласна сдавать экзамен

в его отсутствие, прекрасно понимая, что целиком и полностью отдает себя во власть профессора Штыка, который уже несколько десятков лет не ладил с ее научным руководителем, а по инерции и со всеми его студентами, аспирантами и докторантами.

Однако Нина редко сомневалась в собственных силах, да и время поджимало: она не хотела отклоняться от поставленного перед самой собой графика по написанию диссертации и сдаче сопутствующих экзаменов.

Штык так Штык — ведь вынужден же он был поставить ей тогда, на третьем курсе, когда она сдавала ему курс «Анализ художественной структуры произведения», четверку — это была в ее дипломе *единственная* четверка, хотя и пытался всеми силами завалить ее полностью, задавая наиковарнейшие вопросы.

А четверка у Штыка — это как десять пятерок у иных преподавателей. Пятерку у него, по слухам, за все время преподавательской деятельности Штыка получил только один человек, да и тот, согласно жуткой легенде, в ту же ночь скончался в возрасте двадцати лет от инсульта, вызванного неимоверным умственным перенапряжением.

Четверок Штык ставил в год не больше одной или двух, а до того, как Нина получила свою, он в течение нескольких лет раздавал в качестве высшей оценки исключительно тройки, отправляя не менее половины студентов прямымиком на пересдачу.

Нина, примостившаяся на скрипящем стуле с жестким сиденьем, посмотрела в глаза профессору Штыку — и чего все так боятся этого тщедушного, сутулого, какого-то даже ссохшегося лысого типа, в самом деле похожего на заржавленный штык, облачавшегося всегда в черный костюм-тройку и меняя только нелепые разноцветные «бабочки» на морщинистой кадыкастой шее.

— *Та-а-ак*, — протянул Штык в третий раз свое любимое словечко, от которого на экзаменах уже случались обмороки и истерики, блеснув стеклами очков без оправы, и уставился на Нину.

Девушка же, вцепившись обеими руками в деревянное сиденье неудобного стула, продолжала смотреть в лицо профессора, который — и она в этом не сомневалась — был настроен к ней крайне недружелюбно.

Крайне.

Всем было отлично известно, что Штык обожал играть в «гляделки» со своими жертвами, заставляя их рано или поздно отводить взор — и тем самым признавать свое поражение. А доставлять подобное удовольствие этому малоприятному субъекту, который, надо признать, являлся самым квалифицированным преподавателем в их регионе, она явно *не намеревалась*.

Игра в «гляделки» продолжалась, и когда молчание подошло к концу...

— Итак, Арбенина, вы развили крайне интересную теорию! *Крайне интересную!* Не могли бы вы ее аргументированно разъяснить?

Штык принципиально всех, кто был ниже его, называл на «вы» и по фамилии. А она, обыкновенная аспирантка, к тому же аспирантка его заклятого врага, была намного ниже.

Намного.

— Разумеется, могу, — произнесла с легкой улыбкой Нина, чувствуя, однако, что сердце у нее куда-то ухнуло. Главное, не показать, что она паникует. А она не паниковала.

Ну, может, *самую малость*.

Отчасти она сама виновата, что после сложных и комплексных вопросов по школам в мировой и отечественной теории литературы, по художественному методу и литературно-художественному образу, которые

она, несмотря на все попытки Штыка сбить ее с толку, парировала не просто достойно, но, как она уяснила по одобрительным кивкам прочих членов экзаменационной комиссии, в ее словесное противостояние со Штыком почти не вмешивавшихся, *с блеском*, решила, что опасность миновала. И когда разговор свернул на проблематику категории жанра, решила на неожиданном примере продемонстрировать правоту своих тезисов.

И стала развивать ту самую теорию, которую услышала от своего знакомого библиографа, владельца чудного книжного магазинчика, в котором Нина уже много лет была постоянным посетителем.

Кашлянув, девушка принялась излагать свою мысль, точнее, мысль своего знакомца-библиографа, которая когда-то поразила ее и с которой она, быть может, и не была согласна, во всяком случае, которая, однако, наглядно иллюстрировала ее точку зрения.

Однако Штык, не дав ей сказать и нескольких предложений, властно прервал ее:

— То, что вы говорите, Арбенина, *чушь!* Причем *чушь* редкостная и на редкость дистиллированная.

Члены экзаменационной комиссии снова закивали, на сей раз поддерживая правоту своего коллеги.

Нина, закусив губу и продолжая смотреть в глаза Штыку (игра в «гляделки» длилась уже не меньше пяти минут и давно перешла границы дозволенного и нормального), снова тряхнув волосами, упрямо произнесла:

— *Чушь* — это отметить чужую точку зрения только на том основании, что она не согласовывается с собственными устоями. Причем, и в этом вы абсолютно правы, *чушь* редкостная и дистиллированная. Можно сказать, *высокоградусная!*

Пожалуй, не стоило ей говорить подобное, потому что страсть профессора Штыка к крепким алкогольным напиткам была общеизвестна.

Однако ее, как ни крути, *некорректное* высказывание привело к тому, что Штык, обычно прекрасно владевший собой, на мгновение растерялся, его глаза за стеклами очков заметались туда-сюда, и он *отвел взгляд*.

Мгновением позже он опять вперился ей взором в лицо, однако — и это было понятно и ему самому — было уже поздно. Он проиграл, а она одержала победу.

Такого со Штыком раньше никогда не происходило.

Нина шумно вздохнула и разжала руки, которыми сжимала деревянное сиденье.

Победа за ней! Она не просто «умыла» Штыка, но и заставила его отвести взор.

О ней теперь наверняка будут слагать легенды.

На душе вдруг сделалось спокойно и уютно. Нина посмотрела через окно большой университетской аудитории на улицу — было восхитительное жаркое лето, и надо было наслаждаться жизнью, а не дуэлироваться взглядами с пожилым и *таким противным* профессором литературоведения.

Нина подумала о том, что сообщит Славику, своему молодому человеку, потрясающую весть о том, что Штык *был вынужден* впервые в жизни поставить на кандидатском экзамене пятерку.

И кому — ей, аспирантке своего *врага!*

Штык, нервно дернувшись, запустил длинный когтистый палец за воротник, сверкнул стеклами очков и проскрипел:

— Значит, вы на полном серьезе утверждаете, что величайшее произведение мировой литературы о метаниях человеческой души, о мытарствах тела и боязни прекращения физического существования, «Смерть

Ивана Ильича» гения Льва Николаевича Толстого, можно рассматривать как... *детектив*?

Последнее слово он даже не произнес, а буквально *выплюнул*, причем с намеренно уничижительной, гадко звучащей двойной мягкой «е».

Нина, мягко улыбнувшись, чувствуя, что все небывалое напряжение с нее спало и что страх перед Штыком исчез, уступив место желанию вести занятый литературоведческий диспут *на равных*, взглянув на одного из насупившихся членов экзаменационной комиссии, произнесла:

— Мы же ведем речь о проблематике жанра, не так ли, Борис Егорович? И весь вопрос не в том, к какому жанру принадлежит то или иное произведение, причем принадлежит по мнению того или иного маститого критика или общественности, и даже не в том, к какому жанру причисляет свое произведение *сам автор*, а в том, какую жизнь ведет это произведение, являющееся своего рода отдельным космосом, собственной вселенной со своими законами, но и со своими противоречиями. А так как литературные произведения являются отражением бытия, то, как и в реальной жизни, в выдуманном мире нет линейного развития и четких границ. И зачастую то, что не видно на первый взгляд или вообще не видно, и является определяющим.

Штык, уткнувшись взглядом в стол, видимо, переживая свое неожиданное поражение в игре в «гляделки», ничего не говорил, зато голос подал один из членов комиссии:

— Но как это заставило считать, что «Смерть Ивана Ильича» — это детектив?

В отличие от Штыка он произнес последнее слово с двойным твердым «е».

Нина, переведя на него взгляд, сказала:

— Я не хочу сказать, что это детектив, во всяком случае, *только* детектив, потому что в таком случае нам

придется заняться вопросом дефиниции того, что такое детектив, а просто донести до вас мысль о том, что любое произведение можно прочесть по-разному. Комедию как драму. Драму как пасквиль. Пасквиль как автобиографию. Автобиографию как секс-роман. Секс-роман как покаяние. Покаяние как провокацию. Провокацию как комедию. Ну, или «Смерть Ивана Ильича» как *детектив!*

Штык, вскочив и уставившись ей опять в лицо, яростно закричал:

— *Та-а-ак...* Какой же это, Арбенина, детектив? Это все что угодно! Философский трактат, «поток сознания», бытописание, история болезни, социальная драма, семейная трагедия, камерная пьеса, исповедь умирающего... Все что угодно, но только *не детектив!*

Примерно так же Нина в свое время среагировала на слова своего приятеля библиографа Георгия Георгиевича, с которым любила за чаем с вкуснящим ежевичным пирогом вести литературные беседы, однако все зависело от точки зрения.

И от желанья увидеть в *обыденном* что-то *новое*.

— А разве одно противоречит другому? — сказала она, не смотра Штыку в лицо. Новую игру в «гляделки» она затевать не намеревалась. — Ведь детектив — это и бытописание, и социальная драма, и сугубо семейная трагедия, и философский трактат, и «поток сознания»... Я просто стараюсь продемонстрировать, что границы жанра зачастую подвижны...

— «Смерть Ивана Ильича» *не* детектив! — отчеканил, тяжело дыша, Штык, а Нина, улыбнувшись, парировала:

— Повторюсь, ее *можно* прочесть и так. И пусть Лев Николаевич не работал над детективом, хотя *кто* может со стопроцентной уверенностью заявлять об этом, и пусть литературные критики придерживаются иной точки зрения, однако произведение живет по *своим*

законам, и их не определяет уже ни автор, ни эксперты, а только читатель! *И то не всегда...*

— Это как? — остолбенела единственная дама — член экзаменационной комиссии, однако Нина сочла за благо не излагать ей иную теорию библиографа Георгия Георгиевича, который уверял ее, что если каждое литературное произведение — это отдельный космос, то и живет этот космос по своим законам — и исключительно по ним, *безо всякого влияния извне.*

Как будто вовсе не о — пусть! — мирах говорил, однако однозначно *вымышленных*, а о *реально существующих* диковинных дальних планетах или параллельных вселенных.

Поэтому Нина ловко ушла от ответа на скользкий вопрос и вместо этого заметила:

— Ну смотрите, «Смерть Ивана Ильича» — это, по мнению всех, глубинные размышления на тему жизни и смерти. Но любой детектив является *тем же самым!* «Смерть Ивана Ильича» принято, и я делаю упор на этом *принято*, считать вершиной литературного творчества Толстого, философскими размышлениями о бренности бытия и человеческих мытарствах. Но любой высококлассный детектив, опять же, именно *об этом!* Границы, снова повторюсь, весьма и весьма зыбкие...

Штык, явно потеряв терпение, взвизгнул:

— Какой же это, к черту, *детектив!* Там что, у кого-то стащили бриллиантовое кольцо? Может, у вдовы Ивана Ильича на похоронах? Или, не исключено, он был шпионом вражеской державы, передававшим врагам отчизны секретные сведения из уездного суда, где имел несчастье служить? В конце концов, там нет того, без чего любой детектив не обходится: без *убийства!*

Чувствуя, что ее сердце трепещет от редкостной удачи, потому что своим замечанием Штык загнал сам

себя в тупик, Нина произнесла то, что когда-то поведал ей библиограф Георгий Георгиевич:

— Так уж и *нет*? В этой повести Льва Николаевича есть труп — и это труп главного героя Ивана Ильича Головина, члена Судебной палаты, который в последнем предложении втягивает в себя воздух, останавливается на половине вдоха и, потягиваясь, умирает 4 февраля года 1882-го. А кто вам сказал, что это не *убийство*?

В аудитории воцарилась полнейшая тишина, так что стало слышно, как надоедливая оса бьется о стекло.

— Верно, *никто*. О причинах странного заболевания Ивана Ильича, которое и послужило причиной его кончины, автор ничего конкретного не говорит. Медики пытались установить диагноз, однако сведений слишком мало. Все, что угодно, начиная от скоротечной формы рака и заканчивая тяжелой формой сердечной недостаточности. Можно, как делали поколения критиков, сказать, что вид заболевания не важен, важны глубинные размышления Ивана Ильича о жизни и смерти, которые этой таинственной болезнью провоцируются. Но ведь можно предположить, что Толстой *намеренно* не заостряет внимания на природе болезни, потому что это никакая не болезнь, а *убийство!*

Один из членов комиссии крякнул, а Штык зачистил, снова твердя, как заклинание:

— Чушь, чушь, *чушь!* Никакое это *не убийство!*

— Но откуда вы это знаете *наверняка*, Борис Егорович? — улыбнулась Нина. — Вы что, *лично* проводили вскрытие тела покойного Ивана Ильича Головина? Если это не убийство, то поставьте тогда точный диагноз!

— Точный диагноз не важен, речь идет не о физической немощи, а о душевных переживаниях, вызываемых ею и осознанием собственной близкой

смерти... — заявил один из членов комиссии, и Нина улыбнулась и ему:

— Опять же, не отрицаю подобной возможности трактовки, весьма классической, этой повести Толстого, но откуда вы, повторюсь, знаете *навверняка*? Ни вы, ни я при кончине не присутствовали, не так ли?

Штык, жадно осушив бокал воды, заботливо поданный ему единственной дамой-экзаменаторшей, уже несколько спокойнее гаркнул:

— *Та-а-ак*, пусть, так и быть, Арбенина, это детектив. И пусть убийство! Но *кто* убил? И *почему*? Это же, повторяю, *чушь!*

Нина ответила:

— Не более чушь, чем все остальное. Только по той причине, что сто тридцать девять высоколобых литературных критиков трактуют это так-то и так-то, это *не значит*, что они правы. Идолы ложных авторитетов, как сказал бы философ Бэкон...

Штык, обожавший ссылку на идола ложных авторитетов Бэкона, брякнулся на стул.

Девушка же, ощущая, что это не просто победа, а триумф, *полный и безоговорочный*, который не просто сделается университетской легендой, а войдет в анналы истории их города, продолжила:

— Чтобы узнать, кто убил и почему, надо провести расследование, причем не литературное, а совершенно обыденное, юридически-криминальное. С отпечатками пальцев, допросами свидетелей и подозреваемых, очными ставками и, конечно, токсикологическим анализом. Но для этого надо иметь возможность попасть в реальный мир написанной Толстым повести, что, конечно же, *маловероятно*. Но это и не требуется, потому что во всех прочих детективах перемещаться физически в читаемый роман не надо, автор ведь позаботился о том, чтобы там и сям раскидать улики и намеки. Так и в случае с Иваном Ильичом...

Так как возражений со стороны членов экзаменационной комиссии уже не последовало, Нина презентовала им то, о чем ей когда-то поведал библиограф Георгий Георгиевич:

— Если это убийство, а мы исходим из этого, то следует задаться вопросом: *кому выгодно*. И *кто мог его осуществить*? Убийца должен присутствовать в произведении изначально, хотя бы на заднем плане, хотя бы не принимая участия до поры до времени в основном действии. Но он, словно злой рок, довлеет надо всем. Конечно, в смерти, вернее, убийстве Ивана Ильича можно заподозрить его честолюбивых, желавших занять его должность судейских коллег. Сошедшую с ума прислугу. Дочку на выданье. Ее скользкого жениха. Наконец, сына-гимназиста, так сказать, *юного садиста*...

Один из членов комиссии издал хрюкающий смешок.

— Но в хорошем детективе, как и реальной жизни, зачастую все очень просто. *Очень*. Хотя и хорошо завуалировано. Например, как лицо безутешной глуповатой вдовы Ивана Ильича, Прасковьи Федоровны, на похоронах супруга...

На этот раз даже оса стихла, словно ожидая от Нины разъяснений.

— Если умирает жена, то логично в первую очередь подозревать мужа. А если муж, то *жену*. Думаю, в случае Ивана Ильича это справедливо. Он — жертва своей пусть и недалекой, однако алчной и беспринципной супруги, которая «с душевным прискорбием» проинформировала в газетном объявлении с черным ободком равнодушную общественность о последовавшей кончине своего якобы «возлюбленного» супруга. Которой он надоел. Которая, к примеру, убедив Ивана Ильича застраховать свою жизнь на кругленькую сумму, решила, что стать вдовой, причем